

Байкальская «кругосветка»

текст

Владимир Нечитайло

фото из личных архивов
Владимира Нечитайло и
Станислава Нечволодова

В 1967 году архитекторы института «Иркутскграждан-проект» Станислав Нечволодов, Вадим Хайкин и я, Владимир Нечитайло, обогнули Байкал по периметру за 36 дней втроем на самодельной парусной яхте.

Идея байкальской «кругосветки» принадлежала Станиславу Дмитриевичу Нечволодову, одному из членов архитектурного «десанта», который высадился в Иркутске в конце 50-х – начале 60-х годов, и с которым связано появление так называемого «иркутского ренессанса» (В. Воронежский, В. Павлов, В. Бух, Б. Халдеев, В. Немишев и др.).

Станислав (Стах), исключительно активный человек, не замыкался в рамках чисто профессиональной деятельности, а работал «параллельно» как её организатор: с 1966 года по 1970 был председателем Иркутского отделения СА СССР, входил в состав Центрального правления СА СССР. Он увлекался скульптурой, спортом – лыжи, хоккей, охота, туризм, и был инициатором разнообразных «развлекаловок», украшавших жизнь института и архитектурно-планировочной мастерской-3, которую он одновременно возглавлял.

Сама идея «кругосветки» была не только романтична, но и в значительной мере авантюрна. Дело в том, что парусный спорт в стране (а в Сибири и подавно) был основательно забыт. Он сохранился только в республиках Прибалтики и в Польше, где яхты строили и ходили на них. На Байкале же любители ходили только на примитивных моторках, которые не позволяли отдаляться от берега, а пункты заправки исчислялись единицами. При этом ветровой и волновой режим Байкала был весьма динамичен, он приравнялся к морским условиям. Каботажное (хозяйственное) плавание по Байкалу сворачивалось, туристическое ещё не начиналось.

Никакой материальной и теоретической базой мы не располагали. Лодочная станция в Ершовском заливе содержала несколько старых яхтенных бортов (типа «Дракон»), плавание которых ограничивалось акваторией Иркутского водохранилища.

Корпус Станислав «выпросил» у ректора Иркутского

политехнического института Игошина (старый 6-ти вёсельный ял – морская шлюпка, очень устойчивая и надёжная), палубу сняли со старого катера, мачту и такелаж заказывали в мастерских Иркутска. Сложнее было с парусами. Хлопчатобумажный комплект (позднее лавсановый) удалось вывезти из Прибалтики. Станислав ездил в Эстонию, где обменял добротную медвежью шкуру на парусные комплекты, прихватив заодно кое-какую яхтенную литературу.

Все работы по оборудованию яхты велись на 21-м километре Байкальского тракта на территории водохранилища, которую арендовал политехнический институт в качестве зоны отдыха.

Мореходные качества судна мы опробовали в ходе нескольких «проплывов» по водохранилищу и решили, что готовы к плаванию. Конечно, мы были не одни, у нас была команда сочувствующих и понимающих, куда входили и особы женского пола.

В ходе испытаний наше судно обрело и собственное имя – за крутые носовые обводы мы нарекли её «Машкой».

Надо сказать, что наше авантюрное мероприятие мы старались оформить официально и рационально: оформили маршрутный лист (путёвку) в Иркутском областном клубе туристов, договорились с известным в то время энтузиастом туризма Валентином Брянским о пересылке ему информации для освещения в местной печати.

Сложнее было с прокладкой и расчётом маршрута. Подробными картами мы не располагали, обошлись планшетами 40x50 см М 1:300 000 (1952 г. Восточно-Сибирское бассейновое управление министерства Речного флота СССР). На планшетах были намечены основные отрезки маршрута, пункты отметок прохождения (Иркутск – Слюдянка, п. Бабушкин, Турка, Давша, Нижнеангарск, Хужир, Листвянка, Иркутск), километраж суточных проходов. Общая протяжённость маршрута оценивалась в 1 500 км.

Я не касаюсь проблем питания, организации суточных вахт и тех мелких бытовых ежедневных происшествий, которые у нас происходили на борту. Главное –

как нас встретил Байкал, как «принял» и как «отпустил». Обход озера шёл против часовой стрелки с учётом преобладающих попутных ветров. Большую часть пути пришлось идти против ветра (бейдевинд), меняя галсы (курс судна относительно ветра). В периоды безветрия мы пытались работать вёслами, но «двигать» вручную судно в 1,5 тонны – дело малоприятное и неэффективное.

Мы постоянно «ловили» ветер, стараясь не отдаляться от берега, но и не приближаться к нему (как-никак осадка «Машки» 120 см, под днищем висел железный киль 700 кг).

Самое большое испытание – ночные дежурства: мы шли днём и ночью, меняя вахты через каждые 6 часов.

Острые моменты, а их было несколько, растянули путешествие, но, слава Богу, не помешали выполнению главной цели – обходу озера от и до.

Первый крупный казус – посадка на мель в районе

дельты Селенги. Эта река даёт колоссальный песчаный выброс, далеко выходящий за береговые контуры. С местной лоцией мы знакомы не были, ветер шёл с берега, «Машка» сразу зарылась килем, и нас стало заносить песком. Все наши манипуляции с парусами и вёслами ничего, конечно, не дали – «Машка» засела крепко.

Стах сел в нашу спасательную авиационную лодку (одноместную!) и погрёб на берег. Утром он привёл две рыбацкие фелюги, они с большим трудом сняли яхту с мели и отвели в деревню Исток, где занялись ремонтом (киль расшатался, появилась течь).

Рыбаки приняли нас очень хорошо, помогли с деревом и крепежом, потчевали отборным омулем, а мы их – водкой.

Вышли из Истока и сразу целых два приключения. Поймали попутный ветер, весь день и всю ночь шли курсом фордевинд, поставив оба грота (хлопчатобу-

мажный и лавсановый – «бабочкой»). Это был наш рекордный суточный переход, почти 150 км, и – новое кораблекрушение. На подходе к Турке мы буквально врзались в плоты, которые перегораживали входы в бухту.

Корпус был помят, пришлось с помощью береговых лебёдок вытаскивать «Машку» на берег, чинились несколько дней.

Из всех наших экстремальных ситуаций самый опасный момент нас поджидал не в сильный ветер и не в шторм, и не ночью, а в абсолютно спокойную погоду днём, вернее утром.

Выйдя из Турки, мы сделали через сутки короткую остановку для отладки такелажа в районе губы Каткова, перед Баргузинским заливом.

Утром позавтракали, подняли якорь и хотели уже ставить паруса, когда Нечволодов заметил огромную волну со стороны моря, расстояние до неё было метров 200. Мы успели повернуться к ней носом, яхта встала почти вертикально. Волн было три. Если бы мы приняли их бортом, нас бы просто затопило.

Что это было? Вероятно, подземные толчки где-то в этом районе акватории. Как говорится, отделались лёгким испугом.

Остаток пути вдоль восточного побережья прошёл без происшествий.

При переходе на западный берег пришлось обходить штилевую зону в самой северной точке Байкала, от Фролихи взяли курс на Нижнеангарск.

Короткую остановку сделали в старинном селе Байкальское. Запаслись водой, хлебом, вызвали большой переполох у местных жителей: никто не верил, что у нас нет мотора. На борт поднялась целая делегация, яхту осмотрели и решили, что ... мы спрятали мотор где-то на берегу, с тем и расстались.

Север Байкала в то время был безлюден. Некоторое разнообразие внесла остановка в районе мыса Котельниковский (Горячинск), славного своими минеральными источниками, широко известными, но редко посещаемыми. Побеседовали со сторожем, приняли горячую ванну в большом деревянном корыте.

Последнее приключение нас ожидало в Малом море. От западного берега в районе Онгурён взяли курс на Хужир, пошли по Маломорской диагонали.

В Хужире стоять долго не собирались, запаслись продуктами, но нас задержала погода. Скопилось довольно много мелких судов, все ждали шторма со стороны Сарминской «щели» и советовали нам переждать. Мы, естественно, не послушались и всё-таки вышли, но ... через полчаса вынуждены были повернуть назад, не смогли контролировать парусность, пошла знаменитая Сарма.

Утром ветер утих и мы спокойно прошли Ольхонские ворота.

Последнюю короткую остановку сделали в бухте Песчаной, с трудом достали хлеба, полюбовались на «шагающие» сосны и двинулись к Слюдянке.

Надо сказать, что на последнем участке пути мы ослабли, решили, что всё позади, и старик Байкал нас отпустил с миром. А он в последний момент и показал зубы.

Когда мы огибали мыс Лиственичный и уже откупоривали последнюю бутылку водки, сильнейший шквал положил нас на бок. Такого бортового крена мы не испытывали на всём маршруте.

К счастью шквал был очень короткий, яхта быстро выпрямилась, хотя воды поднабрали. Это было бы просто смешно, обогнуть Байкал и затонуть у Шаман-камня.

Заканчивая этот небольшой очерк, хочется сказать об одном интересном, почти мистическом факте. Корпус нашей яхты (шестивёсельная морская шлюпка) имел в днище сливную пробку, герметически завинчивающуюся. Мы её не нашли и когда спускали корпус на воду просто забили в отверстие деревянную пробку и забыли об этом. Эта затычка могла выскочить в любой момент и на плаву, и после наших столкновений и посадок на мели, но она «просидела» спокойно весь маршрут. После мы ломали над этим головы: что это было – везение или, как говорят на Востоке, «кисмет» (судьба)?

Красоты Байкала я не описываю, их надо просто видеть, никакие альбомы и киносъёмки не восполняют реальное присутствие в ландшафте. Наибольшее впечатление произвёл север Байкала своей природной мощью, масштабами, тишиной и безлюдьем.

И последнее – поход всколыхнул интерес не только к Байкалу, его природе, но и к его истории, к людям, которые внесли яркие страницы в летопись Восточной Сибири. Всё это «подвинуло» меня на гимн Байкалу, которым я и заканчиваю рассказ о нашей Байкальской эпопее.

Его разлом – как ножевая рана,
Земли сибирской древний, дикий шрам.
И память прошлого в сетях его тумана
Порой задумчиво о чём-то шепчет нам...

И оживают грозные картины
Могучих сил, уснувших до поры,
И рушатся хребты, вздымаются долины,
Бушует плоть Земли, ломая кандалы.

Обвалом тишина и смутные наплывы,
Как лики тех людей, чья доля нам близка.
Давно их с нами нет, но голоса их живы,
Живут их боль и гнев, надежда и тоска.

Илимский узник грезит и тоскует,
Сибирский наш «Колумб» опять идёт во льды,
И гневный Лунин страстно протестует,
А скольких нам ещё не ведомы следы...

Какую нам Байкал ещё подарит повесть?
Из прошлого приходят и встают у скал
Лишь чистые душой, их мысли, честь и совесть
Навеки сохранит священный наш Байкал.